

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕНОМЕН РУССКОЙ КЛАССИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2004

О.Н. Бахтина

“ПОВЕСТЬ О БОЯРЫНЕ МОРОЗОВОЙ” КАК ЖИТИЙНЫЙ ТЕКСТ

Одним из первых старообрядческих текстов житийного жанра является **Повесть о боярыне Морозовой**, созданная современником событий. По мнению А.И. Мазунина, изучавшего текстологию памятника, повесть написана между декабрем 1675 и первой половиной 1677 г. (Аввакум писал свое знаменитое Житие в 1672–1676 гг.) Быстрое завершение работы исследователь объясняет тем, что жизненная судьба Морозовой имела “большое агитационное значение в глазах сторонников старой веры”¹. Житие боярыни Морозовой являет собой яркий пример духовного подвига незаурядной женщины эпохи раскола русской церкви, русской культуры. Русское понятие святости, по мнению В.Н. Топорова, особенно, потому что основывается на “философии конца”². Это чувство “конца” было порождено, считает исследователь, соответствующим типом культуры и историческими обстоятельствами. “Философия конца” выражалась в стремлении к крайнему, в тяге к предельному, в сознании последнего часа. На Руси святая душа всегда проявлялась и испытывалась в жесточайших условиях русского бытия и быта. Именно через ее духовный подвиг происходил прорыв к историческому бытию.

“Повесть о боярыне Морозовой” (или “Житие боярыни Морозовой”) давно привлекала внимание исследователей. Об этом произведении писали и в XIX, и в XX в., его называли сказанием, историко-бытовой повестью, житийной биографией, житием. В данной работе этот текст будет рассматриваться как житие “новой” мученицы за веру.

В настоящее время в литературоведении все отчетливее начинает осознаваться необходимость пересмотра принципов анализа житийных текстов древнерусской литературы, так как пришло понимание, что это не просто повествовательные, беллетристические произведения, а христианская учительная (душеспасительная) литература со своими законами строения текстов. Само понятие каноничности или

---

¹ Повесть о боярыне Морозовой / Подг. текстов и исследование А.И. Мазунина. Л., 1979. С. 70.

² Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

неканоничности тех или иных житий существенно уточняется. После работы В.Н. Топорова о святости и святых в русской духовной культуре стало ясно, что вещный мир, само стремление агиографов к подробности реальной жизни подвижника закономерно и необходимо для “выполнения задания” подобного рода произведений, хотя, конечно, житие святого – “не столько описание его жизни, сколько описание его пути к спасению, типа его святости. Поэтому набор стандартных мотивов отражает прежде всего не литературные приемы построения биографии, а динамику спасения, того пути в Царство Небесное, который проложен данным святым”¹. Описание этого пути схематично, поэтому описание жизни обобщенно-типическое, канон выработал определенные этапы в этом восхождении святого к Богу, и каждый новый святой должен пройти их обязательно. Причем, как отмечает В.М. Живов, для восточной агиографии характерна обратная перспектива в изображении земного бытия. Оно описывается с точки зрения святого, уже достигшего Небесного Царства и оттуда смотрящего на свой путь к нему. Отсюда риторическая украшенность, витийственность стиля, которая должна способствовать передаче умопостигаемости высоты взгляда из Царства Небесного.

Текст “Жития боярыни Морозовой” как раз и свидетельствует о глубоком усвоении традиций создания мученических житий. В результате проделанного А.И. Мазуниным текстологического анализа известных в настоящее время списков этого жития стало ясно, что наиболее близка к авторскому варианту Пространная редакция.

В этом варианте текст имеет следующий заголовок: “Месяца ноябрья во 2 день. Сказание отчасти о доблести и мужестве, и изящном свидетельстве, и терпеливдушном страдании новоявленного преподобновеликомученицы боярыни Феодосии Прокопиевны, нареченныя во инокинях Феодоры, по тезоиментству земныя славы Морозовы, и едиnorodныя сестры ея и сострадалницы ея, благоверныя княгини Евдокии, и третия союзницы их Марии. Имати же сия повесть поведание въкратце”². Это типичный заголовок жития канонизированного святого, которому установлен день памяти. Боярыня Морозова, в иночестве Феодора, уже получила титул преподобновеликомученицы³.

¹ Живов В.М. Святость: Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994. С. 10.

² Повесть о боярыне Морозовой. С.127. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц.

³ Сам термин “преподобномученица” не каноничен. Есть преподобномученик – “мученик, принадлежащий к числу монашествующих” (Живов В.М. Святость... С. 80) и великомученик – “мученики, особо чтимые церковью как претерпевшие особенно тяжелые и продолжительные мучения и проявившие при этом чрезвычайную твердость в вере” (Там же. С. 24). Автор словаря агиографических терминов помечает, что определение “великомученик” к русским святым не применялось.

Отсюда задается структура строения текста и его восприятия. Это будет житие великомученицы и преподобной. Известно, что преподобным именовали святого, который пошел вослед Христу и преуспел в подражании ему, который стал в наибольшей степени подобен Христу. В “Житии боярыни Морозовой”, таким образом, должно было быть уделено большое внимание фигуре Христа, его имени. В тексте будут постоянно соотноситься два плана повествования: реальный и идеальный план Священной истории.

Поскольку это житие великомученицы, то закономерно, что основное внимание автора сосредоточено на описаниях страданий Феодоры, хотя структура жития-жизнеописания здесь также выдержана.

Начинается текст с традиционного сообщения о рождении будущей святой от благородных и благочестивых родителей. “Сия убо блаженная и приснопамятная родися от родителю благородну и благочестиву, отца Прокопия, сигклитика царствующего града Москвы, по реклом словяще Соковнин. Мати же ея бяше Анисия. И бяху человека благоверна и боящася Бога” (С. 127). Далее следует очень краткое сообщение о земной судьбе Феодосии Соковниной, которая в семнадцать лет была выдана замуж за боярина Глеба Ивановича Морозова. Особую духовную красоту героини повествования автор подчеркивает словами о том, что ее очень любил брат Глебов, Борис Иванович Морозов. Он называл ее духовным другом и беседовал с нею помногу часов, отмечая, что “словеса ее душеполезные” слаще “меда и сота”. Заканчивается это предельно краткое представление земного облика Феодосьи сообщением о ее духовном наставнике, протопопе Аввакуме. Итак, в начале текста была лишь констатация святости боярыни Морозовой.

Затем автор переходит к более подробной характеристике ее духовного облика. Сообщается о том, как приходит она к послушанию. От отца Трифилия она узнает об инокине Мелании, которую и избирает в духовные матери. “И смирившися Христа ради, отдадеша ей под начал, и до конца отсече свою волю. И сице пребысть до конца опасная послушница, яко и до дне смерти своя ни в чем повеления ея не ослушалася” (С. 128). Указание на духовное смирение и подчинение – важнейшая черта духовной сущности подлинного христианина. Вместе со своей духовной матерью Феодосья совершает всякие богоугодные дела. “По темницам с нею ходчщи пешима ногама и милостыню носящи, и по чудотворным местом обтичющи обе купно зело рано, яко Мария Магдылини и Мария Ияковля ко гробу господню, тако и сию голубицы в собор, и в Чюдов, и к ризе господни, на ся, яко

достойни, возлагающе ризу господню и целующе устнама с теплыми слезами...” (С. 128).

Как и положено святой подвижнице, Феодосья умерщвляет плоть, постится, цветет молитвами, разжигаемая огнем любви к Богу. Не случайно, автор сопоставляет свою героиню с библейскими персонажами, уравнивая таким образом события современности с событиями Священной истории. И царь в своем послании к боярыне сравнивает ее с мученицей Екатериной, “Вторая ты Екатерина мученица!” (С. 146). По молитве Феодоры Бог даровал жизнь старице Меланье. Этому чуду автор также находит аналог в Священной истории: “...яко же Козму игумена слез ради и жаления отец повеле Бог паки возвратити душу, подобне тому и zde прилучися, и ради рыдания угодницы своеса Феодоры дарова живот наставнице ея Мелании” (с. 154). Подобные примеры можно продолжить. Так возникает “некий идеальный план текста”, о котором писал в связи с житием Феодосия Печерского В.Н. Топоров. “Идеальность этого плана объясняется тем, что по происхождению он не что иное как реальная Священная история, а по своему заданию – высшая из парадигм, образец для подражания и воспроизведения, абсолютная цель...”¹. Этот идеальный план очень важен в житийном тексте, без него практически не существует жития.

Кроме идеального плана, в житиях большую роль играет и реальный план конкретной жизни святого. В.Н. Топоров подчеркивает, что сама цель жития состоит в том, чтобы показать, как конкретно через подражание происходит приближение к образцам. Это нужно, чтобы создать “промежуточный вариант парадигмы, на который мог бы ориентироваться каждый, кто познакомится с житием, поймет его смысл и примет его в свою душу”². В “Житии боярыни Морозовой” представлен большой конкретный материал об историческом быте боярского дома Москвы XVII в.. По мнению А.И. Мазунина, автором этого текста был Андрей, дворецкий Морозовой, поэтому он хорошо знал ее домашнюю потаенную жизнь, расположение комнат, он присутствовал при ее ночном аресте в доме, он видел, как поклонился ей вслед сын, он посещал ее в Боровской тюрьме и т.д. Например, так он описывает приход “мучителей”: “И се во второй час ноци отворишася врата большия. Феодора же вмале ужасшися, разуме, яко мучители идут, и яко преклонися на лавку... Феодора възляже на пуховик свой, близ иконы пресвятыя Богородицы Федоровския. Княгиня же отиде в чулан, иже устроен в той же постелной, его же содела Феодора наставнице своей Мелании...” (С. 134). Эти подробности ценны не только

¹ Топоров В.Н. Святость... С. 621.

² Там же. С. 622.

сами по себе, хотя они действительно дают нам представление о жизни людей этого времени, возникает определенный колорит эпохи, (о чем всегда писали исследователи), но и придают всему повествованию достоверность, неопровержимость происходящего. Мир вещей: лавка, пуховик, Федоровская Богородица и т.д. – и создает тот теплый и уютный мир, который окружает человека в его земной жизни. В результате основная христианская идея духовного восхождения грешного и слабого человека к Богу приобретает наглядность и убедительность, и каждый читающий текст жития может и должен последовать этому примеру, пойти по этому пути духовного делания и спасения своей живой души.

Автор житийного повествования выступает как учитель и наставник, стремясь к наибольшему влиянию на чувства читателей и слушателей. Так, он подробно описывает всю бесчеловечность мук, которым подверг царь трех женщин. Феодоре завязали назад руки ее рубашкой, она висела на дыбе с полчаса, ремень протер руки до жил, снятые с дыбы пленницы лежали обнаженными спинами на снегу, им клали на грудь мерзлую плаху и т.д. Это написано очевидцем событий. Он сдержан, но точен и достоверен. Несомненно, он восхищен мужеством главной героини (передает это эпитетом “победоносная”) и ее соузницами, называя их мученицами.

Несколько раз подробно автор описывает борьбу Феодоры с властью, церковной и светской, поединки с царем и патриархом. Когда патриарх хотел помазать священным маслом ее голову, а она “отрину руку его”, то он заревел, как медведь, и приказал тащить “вражью дочь” на цепи, и “Утре страдницу в струб!”¹, т. е. в костер. Контрастом звучит кроткий ответ страдальцы: “Блаженная же отвеща тихим гласом: “Грешница аз, но обаче несть вражия дщерь, не лай мя сим, патриарх: по благодати бо спасителя моего Бога Христова есмь дщерь, а не вражия. Не лай мя сим, патриарше!” (С. 143). Она победила, это понимают и автор, и читатель, несмотря на то, что ее сбили с ног и она головой “сочла” все ступени лестницы, она Христова дочь, за ней правда истинной веры.

В целом этот житийный текст “густо заселен”. Много врагов у святой Феодоры. Кроме царя, патриарха, митрополита Павла, сотников и стрельцов к ней неоднократно приходили в дом Михаил Алексеевич Ртищев с дочерью Анною, автор называет их “возлюблени сосуди Никоновы”. Они пытаются уговорить Феодосию покориться царю и патриарху, подчеркивая их сословное родство, воздействуя на

ее материнские чувства. Она отвечает им, что Христа любит более сына и не отступит от веры.

У святой мученицы есть и друзья, сподвижники и заступники. Во-первых, ее духовная мать, старица Мелания, которая постригла ее в иноческий образ, которая благословляла ее на подвиги, во-вторых, ее родная сестра, княгиня Евдокия Урусова, разделившая с ней все страдания и мученическую кончину, та же судьба у сотниковой жены Марии. Кроме того, пострадали вместе с ними и Анна Амосова, и Стефанида, “прозывается Гнева”, и Акилина, “болярская дщерь”, братья Феодосьи, Феодор и Алексей, Иван, один из слуг Феодоры и многие другие, сочувствовавшие им. Они поплатились за это жизнью, сгорели в срубе, были повешены или их уморили голодом. Все они умирали за Христа. Как всегда, в житийных текстах большую роль играет само божественное имя, встречающееся в разных сочетаниях: “смирившись Христа ради”, “враги церкви Христовы”, “истинный ученик Христов”, “Христов путь”, “Христова вера”, “Христу предстоящу”, “Христос во Евангелии глаголет”, “С нами Христос”, и т. д. Эти повторы создают особый эффект сакральной глубины повествования, потому что “призывание имени” Христа в христианских текстах предполагает участие самого Бога в ритуале чтения жития.

Житийные тексты всегда содержат описания чудес и видения, которые также должны свидетельствовать об избранничестве святого, об особой роли его в земной жизни. Есть они и в Житии боярыни Морозовой. Например, эпизод о чудесном воскрешении старицы Мелании. Узнав о том, что старица смертельно заболела, Феодора, сидя на Печерском подвории, плакала и молила Бога, чтобы он не оставил духовных сестер сиротами. Мать Мелания уже попрощалась с сестрами, стала редко дышать, все понимали, что она скоро умрет. И вдруг произошло чудо. “И внезапно очуются мати, и в приходящий день здрава бысть...” (С. 154). Мария девица, пришедшая проведать состояние больной, узнав, что она выздоровела, сообщила об этом Феодоре и поняла, что произошло чудо, подобное библейскому эпизоду с Козмой игуменом, когда “повеле Бог паки возвратити душу”. Или эпизод с телом Евдокии, которое подняли наружу из земляной тюрьмы и которое лежало “не погребено и не покровено”, ожидая отписки из Москвы. “Се же бысть дивно: донележе указ с Москвы не прииде, святое оно тело внутрь острога просто на земли лежаше пять дней и не токмо не почерне, но и на всяк день святлее и белее являшеся, яко воинам зрящим зело дивитися...” (С. 151) Это событие должно быть также истолковано в христианском духе нетленности святого тела.

Подобные примеры известны читателю-христианину, и он легко проводит аналогию, испытывая при этом душевное волнение и потрясение перед высотой промысла Божия. Таким образом, повествование состоит как бы из двух планов: прямого, современного, событийно-реального и символического, сакрального, вечного. Оба плана совмещаются в жизни-житии святого человека.

Есть в “Житии боярыни Морозовой” и второй необходимый для такого типа текстов элемент – видение. Святая Феодора после своей смерти явилась старице Мелании. “Мати же ея Мелания в то время бе в пустыни и виде тоя нощи во сне великую Феодору, яко оболчена в схиму и в куколю в веселости своей красовашеся, и обзираяся всюду и руками вода по одеждам, и чюждашеся красоте риз своих...” (С. 153). Так старица Мелания оказалась свидетельницей того, как Феодора, оказавшись на небе, примеряет на себя новые, светлые одежды, ризы святой. Мелания, очнувшись от видения, удивляется и рассказывает другим сестрам. Лишь впоследствии она узнала, что в эту ночь Феодора умерла в Боровской тюрьме. Все поняли смысл видения и прославили Бога.

Момент общественного признания, восхищения подвигом святых женщин очень важен для автора, потому что именно духовное ратование сильной души являлось примером для правоверных христиан, оказывающим преобразующее воздействие на души верующих. Автор отмечает, что многие люди приходили смотреть, как тащат на носилках княгиню в церковь, и относились к этому по-разному. “Множество же велможных жен приежжаху, и от простых людей притекаху на зрение, како влачаху княгиню на носиле. Наипаче же велможнии тии преизлиха любезне дивляхуся и аки о сроднице своей болезноваху” (С. 141). Игуменья понимает, какое значение для прославления старой веры имеет это всенародное внимание. Ей, с одной стороны, жалко “велможную” княгиню из-за ее страданий, с другой – она возмущена тем, что “все бо народи сришутся на видение терпения ея” (С. 141). Так автор жития диалектично, психологически точно описывает ситуацию в русском обществе XVII в.

Перед нами традиционный житийный текст, который наглядно показывает, как человек должен стоять за веру, как совершается подвиг во имя Христа, как происходит восхождение души к Богу.

В учительных христианских текстах, как уже отмечалось выше, само слово живет “полной” жизнью. По терминологии М.М. Бахтина, это “живое” слово, которое предполагает переживание содержа-

ния текста через диалог с предметом, т.е. с его смыслом. Предмет, в свою очередь, вступает в “отношение с заданностью”, такой заданностью в христианских текстах является высшая божественная правда. Предмет, таким образом, поверяется этой высшей правдой с помощью субъекта переживания. Очевидно, что подобные тексты представляют диалогическое слово, в котором и содержится ценностное отношение к предмету повествования и творящего текст, и его воспринимающего. Ценностное отношение, в свою очередь, проявляется через особую полноту слова, которая предполагает взаимодействие слова-понятия, слова-образа и интонированного слова¹.

Например, сцена увещевания Анной Михайловной Ртищевой святой мученицы. Она обращается к Феодосии как к жещине своего круга, но прельщенной старичами и забывшей о своем сыне-красавце, которого ожидает печальная участь, если “огнепальная ярость” царя разрушит дом Морозовой. Но для святой Феодосии эти обычные жизненные ценности (богатство дома, земная любовь к сыну) неприемлемы, потому что она возлюбила Христа больше жизни и больше сына. В тексте содержится прямое провозглашение христианских истин, почти буквальное воспроизведение евангельских слов: “Возлюби Господа твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею, и всем разумением твоим” (Матф. 22:37). Феодосия говорит, что она любит Ивана, но “Христа аз люблю более сына” и предупреждает, а то если противники собираются “сыном мне препяти от Христова пути”, то “никогда сего не получите”. И далее рисуется образная картина того, что могут сделать ее мучители: “Аще хотите — изведите сына моего Ивана на Пожар и предадите его на растерзание псом, страша мене, яко да отступляю от веры... Аще и узрю красоту его псы растерзова ему, благочестие же ни помыслию отступити, ведый буди известно, яко аще аз до конца во Христове вере пребуду” (С. 131). Эта картина погибающего от рук мучителей единственного красавца-сына боярыни Морозовой, образ растерзанного псами ребенка должен был потрясти сердца читателей и слушателей, и действительно потрясал. “Сия слышавши Анна, яко от грома ужасошися от страшных его словес и преизлиха дивляшеся крепкому ея мужеству и непреложному разуму” (С. 131). Так возникает в тексте интонация священного ужаса и удивления обычного рядового человека перед силой духа святой.

---

¹ *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Человек в мире слова. М., 1995. С. 40.

В этом эпизоде, с одной стороны, воспроизведена типичная для житийного текста ситуация оценки “странной” жизни святой подвижницы, для которой земные радости не имеют цены. С другой стороны, на этом примере можно убедиться в справедливости размышлений М.М. Бахтина о единстве слова-понятия, слова-образа и интонированного слова в христиански ориентированных текстах. Здесь видно, как автор доносит до христианского сознания читателей евангельскую идею возлюбить Христа более, чем мать и отца, более, чем родного сына. Читатель и слушатель вместе с Анной Михайловной Ртищевой, беседующей с Феодосией Морозовой, и автором восхищается мужеством героини. Для автора она уже святая (“отверзе священная своя уста”), и читатель все больше проникается ощущением ее святости, потому что поведение подвижницы, стойко переносящей страдания за веру, прямо соотносится с заповедями Христа. В “живом” слове житийного текста воплощается экзистенциальный диалог человека с миром (и героини, и автора, и читателя).

Как видим, старообрядческие житийные тексты сохраняют традицию учительной душеспасительной литературы, в которой главным остается диалогическое слово, обращенное одновременно к Творцу и к читателю, носителю христианского сознания. Это слово и призвано было возвести разум и душу христианина к высшей “заданности”, к Богу, сверить себя, свой жизненный путь с жизнеописанием подвижника, покаяться в грехах, очиститься и таким образом вступить на путь спасения своей живой души.